

В десятом номере журнала «Юность» была опубликована статья моих университетских преподавателей о спектакле театральной студии «Дирижабль», в которой речь шла об интересной тенденции современной сцены — попытке перевести на театральный язык литературоведческую проблему. Размышление о специфике жанра произведения или стиля писателя облекается в таком случае в форму театрального представления, то есть «разыгрывается». Хочу продолжить этот разговор, так как в театре «Мост», где я работаю, был предпринят такой эксперимент в спектакле Георгия Долмазяна «Чехов». Его название наводит читателя на мысль о биографическом содержании, но на самом деле это попытка войти в мир Чехова-драматурга, прочувствовать и отразить в слове и жесте те черты, которые, с точки зрения авторов спектакля, являются для этой драматургии значимыми и неизменными.

Режиссер признается, что всегда при чтении пьес Чехова он ощущал, будто попадает в единое пространство, в котором все герои из «одной лодки», все знакомы друг с другом и живут по одним драматургическим и психологическим законам. В результате он понял, что его спектакль должен воссоздать это единое пространство чеховской «драмы настроений», передать атмосферу смятения и ожиданий прошлого рубежа веков, которая таит в себе и трагические, и драматические, и комические моменты и не может не захватывать современного человека. Так родился спектакль, объединивший в себе три пьесы:

«Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад». Конечно, соединение трех классических текстов в одном потребовало от режиссера-сценариста смелости и такта. Он выбирал близких по типу героев и фрагменты текстов, в которых заметны переключки в темах, интонациях, настроении, но не вводил никаких добавочных реплик, а «современность» чеховских сюжетов подчеркивалась не вербальными врезками, а средствами музыкальными и визуальными. Герои разных пьес напрямую друг с другом не общаются, но находятся рядом, могут присутствовать на одном мероприятии (например, на спектакле Треплева или вечеринке в доме Раневской). Они, безусловно, чем-то похожи, их реплики и монологи обнаруживают созвучие, а их судьбы почти повторяют друг друга и все вместе составляют картину жизни русской интеллигенции накануне исторических потрясений. Режиссер говорит: «Это один такой большой караван, который идет, герои ходят, чего-то хотят. Они так похожи друг на друга: ведь Аркадина из “Чайки” и Раневская из “Вишневого сада” — как подруги. А Ирина Прозорова и Нина Заречная — они такие молодые... Во время репетиций появилась эта связь. Идеи сами подталкивали».

Таким образом, сверхзадача, которую ставил автор спектакля-микса, состояла в том, чтобы вместе со зрителем, как правило, уже знакомым с содержанием пьес Чехова, войти в мир драматурга, прочувствовать те художественные закономерности и особенности проблематики и стиля писателя, которые обычно

обсуждаются исследователями в научном жанре. Например, органичное сочетание в его пьесах трагизма, лиризма и комизма на грани эксцентрики, которое не позволяет точно определить их жанр (что обсуждалось и в проекте студии «Дирижабль»). Именно эта задача определила композицию спектакля «Чехов», состоящего из двух частей: первая решена в комическом и ироническом плане, а во второй нарастает трагизм. Режиссерская концепция воплощается и в

принципах компоновки сцен из чеховских пьес (в первой части герои «только обедают», а во второй «разбиваются их жизни»), и в игре актеров, и в музыкальном сопровождении, и в элементах декора и освещения, создающих определенное настроение: сначала это вздрагивающие от легких движений или вздымающиеся от ветра, как паруса, белые занавески; потом это чемоданы в сумрачном освещении, с которыми герои собираются устремиться в Москву или в Париж, но мы-то понимаем, что это отправляется навсегда в прошлое их прекрасная эпоха: «В тот момент у людей не осталось иллюзий по поводу будущего. А это самое страшное — потерять мечту», — говорит Георгий Долмазян.

Спектакль «Чехов» — это не только современная сценическая интерпретация классических произведений, это попытка ввести почитателей Чехова в его мир, показать единое пространство писателя. Мне кажется, что на языке театрального искусства интересно и плодотворно обсуждаются и решаются даже филологические вопросы.

